

А. В. Соловьев

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИИ -
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

(Короткие ответы на острые вопросы)

Кострома—1994

ББК87.3.(2)

Соловьев Авенир Васильевич – доктор экономических наук,
профессор Костромского технологического института.

В брошюре с позиций марксистской теории оценивается развитие
общественного строя России в XX веке.

Издана на средства автора.

ISBN 57815-1871-1
УДК 330.014.27.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>К читателю.....</u>	<u>3</u>
<u>Была ли Россия до Октябрьской революции 1917 года капиталистической страной?.....</u>	<u>5</u>
<u>Базис и надстройка: что чем управляет?.....</u>	<u>6</u>
<u>Что такое социализм?.....</u>	<u>9</u>
<u>Октябрьская революция: буржуазная или социалистическая?.....</u>	<u>13</u>
<u>В чем сущность НЭПа?.....</u>	<u>17</u>
<u>Является ли «социалистическое накопление» «накоплением социализма»?.....</u>	<u>21</u>
<u>Совместимы ли в реальной действительности «социализм» и «рынок»?.....</u>	<u>27</u>
<u>У кого реальная власть?.....</u>	<u>29</u>
<u>Куда ведут Российскую Федерацию?.....</u>	<u>34</u>
<u>Свершится ли когда-нибудь мировая социалистическая революция?.....</u>	<u>40</u>
<u>Заключение.....</u>	<u>43</u>
<u>Список дополнительной литературы.....</u>	<u>45</u>
<u>Сергей Есенин. Из поэмы «Страна негодяев».....</u>	<u>46</u>
<u>Общественная производительность труда.....</u>	<u>47</u>
<u>Динамика спада производства продукции по отраслям промышленности Российской Федерации.....</u>	<u>47</u>

К читателю

Какие мы есть? Почему все так повернулось? Что с нами будет? – эти вопросы сверлят мозг каждому, кто еще не утопил разум и совесть в вине или в долларах. Оно и понятно: из темного «сегодня» всех беспокоит туманное «завтра», которого не предугадать, не разобравшись в непредсказуемом «вчера», – которое беспокоит и тех, чьи сыновья вынуждены воровать, а дочери – проституировать, и тех, чьи дети учатся в «миллионных» гимназиях, а отдыхают в «Штатах» или «на Канарах». Все хорошо понимают: Россия – очень медленно, но абсолютно неотвратимо – «закипает», и «Курносая» будет махать «косой» не по партийной принадлежности, а – без разбора. Но ведь смерть, своя или детей своих, для нормального человека всегда нежелательна, произошла ли она от «беспричинного» отсутствия лекарств, или – от голода и холода по вине правительства; от пули, посланной «конкурирующей фирмой», или – от взрыва, организованного отчаянным террористом по «народовольческо-ирландскому» варианту; охотничье ружье и сабля в сибирской тайге или приазовских степях тоже сгодятся. Каждый хочет продлить свою и своих

близких жизнь; для этого надо действовать, а чтобы **правильно** действовать, надо определиться, в **каком** обществе и почему в **этом** обществе живет российский народ.

Все, что на эту тему будет мною предложено Вам, читатель, есть итоговый результат моих размышлений с позиции, не скрою, ортодоксального марксизма, не признаваемого нынче ни «правыми», ни «левыми» партиями и политиками. Поэтому и «трибуну получить» в центральной прессе не удастся. Старые стереотипы довлеют. Дело в том, что в Советской России – СССР значительное распространение получили под видом марксистского социализма те учения, которые характерны для до- и раннепролетарского утопического социализма. Затем под видом марксизма преподносилась прудоновско-бланкистская мешанина, нашедшая свое законченное выражение в «рыночном социализме» – сталинизме. Сегодня, в конце XX века, марксизм в России не только забыт, но и подвергается поруганию: только абсолютный бездельник не косоротится в улыбке, выкрикивая якобы марксистскую фразу о «светлом коммунистическом будущем»! Лишь только (Вот ирония судьбы!) Папа римский Иоанн Павел II заявил недавно, что «в марксизме есть ядро истины», и поэтому «благодаря этому «ядру истины» марксизм смог стать притягательной реальностью для западного общества» и «коммунистическую идеологию нельзя огульно отрицать», а капитализм изменился «в основном благодаря социалистической мысли». (Правда. 10.11.93.). Как говорится, не знаешь – где потеряешь, а где найдешь. Правда, не совсем понятно, как теперь нам быть с «рухнувшим идиолом коммунизма»?.. Папа римский – не из тех, кто бросает слова на ветер. Как бы не пришлось возвращать «идола коммунизма» общими усилиями в первоначальное положение.. Но – бог с ним, с ИДОЛОМ... Не стыдно ль нам: Россия, которая «выстрадала марксизм», сейчас нуждается **в возрождении подлинного марксизма?!**

Но это – задача коллективного труда (Потом я назову работы, которые интересно прочитать). Мне эта работа не по силам. Я беру на себя задачу гораздо более легкую – сделать попытку и дать очень краткие, по необходимости, ответы на самые насущные десять вопросов, и тем хотя бы предложить пищу для размышления над проблемами, начиная с проблемы: была ли Россия когда-нибудь капиталистической страной? и кончая, казалось бы, наивным вопросом: свершится ли когда-нибудь мировая социалистическая революция?

И если даже читатель, великодушно простив мне, автору, краткость и возможные ошибки, только лишь задумается над прочитанным, тряхнет привычными «стереотипами мышления» и – пусть! – придет к противоположным, нежели я, выводам, – я все же скажу, что мой крик души, вылившийся на бумагу, не пропал даром. А если читатель станет моим единомышленником, значит, – и уж вовсе я не зря трудился и

рассчитывал на понимание. Ну а наилучший вариант – спор на страницах печатных изданий.

Итак, начнем, пожалуй...

ВОПРОС ПЕРВЫЙ

Была ли Россия до Октябрьской революции 1917 года капиталистической страной?

ОТВЕТ. Капитализм – это экономический строй, в котором юридически свободный работник является собственником своей рабочей силы, но не имеет средств производства, находящихся в собственности капиталиста; поэтому работник вынужден продавать свою рабочую силу собственнику, средств производства (капиталисту), а на вырученные деньги, на зарплату, обеспечивать существование свое и своей семьи. Покупая рабочую силу, капиталист нанимает рабочего, батрака, бухгалтера, инженера и пр., чтобы эксплуатировать их в составе совокупного работника предприятия с целью получения прибыли. Наемный труд в материальном производстве, создающий прибавочную стоимость, присваиваемую всем классом капиталистов, – сущностный признак капитализма.

Поэтому, чтобы ответить на вопрос, является ли какая-либо страна именно капиталистической страной, следует выяснить распространенность в этой стране именно наемного труда. Например, в США свыше 90% экономически активного населения продает свою рабочую силу – работает по найму, а доля буржуазии – покупателей рабочей силы—составляет 3% населения. Армия лиц наемного труда в индустриально развитых странах мира всего составляет около 70% экономически активного населения; в том числе промышленный пролетариат – примерно половину; на долю нанимателей-капиталистов приходится 3-4% населения; остальные – мелкие товаропроизводители. Все такие страны, бесспорно, капиталистические страны.

Россия же до Октября 1917 г. была прежде всего крестьянской, деревенской страной. В начале нынешнего века 85% населения России жили в сельской местности, тогда как, например, в Англии около 80% ее населения, наоборот, жило уже в городах. Если в России в 1913 г., в городах жило лишь 18% населения, то во всем мире – уже почти 30%. В России 75% рабочей силы было занято в натуральном и мелкотоварном сельскохозяйственном производстве, которым занимались, и горожане. Прежде чем к Москве приклеилась презрительная кличка – «большая деревня», вся Россия была, действительно, «большой», точнее «огромной деревней».

Фабрично-заводских рабочих в огромной России в начале XX века было всего 1,5—2,0 млн. человек (В небольшой Германии — для сравнения — более 26 млн. чел.), а на доходы от капитала в 1910 г. жило всего 0,5 млн. предпринимателей, включая владельцев мастерских, лавок, трактиров и т.п. Накануне Октябрьской революции в России насчитывалось 15,5 млн. лиц наемного труда из более чем 130 млн. населения, но среди них фабрично-заводской пролетариат составлял лишь 3,5 млн. человек.

По данным советской официальной статистики, социальная структура населения в 1913 г. была следующей: рабочие 15%, служащие 2%, крестьяне и кустари 67%, буржуазия, помещики, торговцы и кулаки (сельская буржуазия) 16%. Значит, самое большее :— лишь треть россиян жили при капитализме, да и то — на одного, в среднем, предпринимателя приходился один (!) наемный работник... Добавим, что отрасли хозяйства, в которых господствовал капитализм, давали лишь 15% национального дохода России.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют, что Россия в конце прошлого и начале нынешнего века вступила на путь капиталистического развития и быстро по нему продвигалась. **Но до Октябрьской революции 1917 г. Россия не была капиталистической страной.** В России преобладали не капиталистические, а докапиталистические производственные отношения. Путь развития капитализма России еще предстояло пройти.

Скажем наперед: она прошла этот путь — Россия, корчась от мук экономических и насилуемая идеологически, подгоняемая штыком социальных революций и увлекаемая социалистическими мечтаниями интеллигентов, движимая непреложностью экономических законов базиса и — глупостью надстроечных преобразований, а пуще всего — толкаемая по рельсам накопления советского капитала мелкобуржуазной сущностью численно преобладавших в российском обществе социальных слоев. Чтобы это понять, надо разобраться во взаимосвязи базиса и надстройки, соотношении экономических и идеологических форм.

ВОПРОС ВТОРОЙ

Базис и надстройка: что чем управляет?

ОТВЕТ. Проблема соотношения и взаимосвязи «базиса» и «надстройки» раскрыта классиками марксизма в работах «К критике политической экономии. Предисловие»; «Манифест коммунистической партии»; «Капитал», т. 1, гл. 24, §7, — Историческая тенденция капиталистического накопления; «Критика политической экономии» и др. (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., тт. 4, 13, 23, 46 и др.). Суть проблемы сводится к следующему.

На всем протяжении своего природного (биологического) существования люди производят и воспроизводят как свою собственную жизнь, так и жизнь себе подобных – своих детей. В общественном производстве своей жизни, а производство— всегда общественное, люди вступают в необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной степени развития материальных производительных сил – средств производства, и рабочей силы самого человека.

Производительные силы и производственные отношения в единстве и взаимодействии образуют способ производства. В этом единстве решающую роль играют производительные силы и их развитие (прежде всего – развитие орудий труда и самого человека). Производительные силы выражают отношение людей к окружающей их природе, овладение человеком силами природы, степень которого проявляется в росте производительности труда и богатства общества.

Производственные отношения являются общественной формой существования, использования и развития производительных сил и выражают отношения людей друг к другу в процессе общественного производства по поводу создания, распределения, обмена и потребления трудовой деятельности и ее результатов. «Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 6, с. 441). Производственные отношения проявляются на поверхности общества в форме экономических интересов классов, слоев, групп людей, отдельных индивидуумов.

Совокупность производственных отношений, выступающих в объективном аспекте как отношения собственности, составляет экономическую структуру общества, его реальный экономический базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка; экономическому базису соответствуют также определенные формы общественного сознания (мораль, искусство, религия и др.), в которых человек воспринимает и осознает самое себя, в том числе – и свои производственные отношения, свою экономическую структуру, как реальный базис своего собственного бытия.

В любом обществе, следовательно, существуют и взаимодействуют четыре элемента его жизни. Первый: производительные силы как материальная основа существования человека путем присвоения человеком вещества природы в процессе производства. Второй: производственные отношения как общественная форма существования производительных сил (базис). Третий: юридическая и политическая регламентация производственных отношений (надстройка). Четвертый: формы общественного сознания, в которых с точки зрения экономических

интересов различных классов и групп оцениваются и базис, и надстройка, их взаимообусловленность.

Все названные элементы находятся в движении, но осуществляется оно по-разному. Движение базиса (экономических отношений) задается развитием производительных сил («век пара», «век электричества», «век информатики» и т. п.). Базис «пытается» развиваться непрерывно, но этому мешает та юридическая и политическая надстройка в формах которой базис «закреплен» интересом правящего класса. Этот конфликт люди осознают в различных идеологических формах (художественных, религиозных, вообще – мировоззренческих формах), в которых борются первоначально за его, конфликта, разрешение.

Это разрешение состоит не в том, чтобы создать новые экономические отношения – эти отношения объективны и не могут быть созданы по чьей-либо воле. Разрешение конфликта возможно лишь тем путем, чтобы создать новую – более высокую по уровню – политическую и юридическую надстройку, соответствующую новым производительным силам, «оформить» юридически и политически те производственные отношения, которые уже реально существуют, не взирая на устарелую форму политической власти и нелепое, с позиций экономических реалий, законодательство. Тогда наступает эпоха социальной революции, в которой для разрушения старой надстройки и создания новой применяется насилие в той или иной форме.

Однако, предупреждал К. Маркс, «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» (Маркс К, Энгельс Ф., Соч., т. 23, с. 761). «Повивальная бабка», то есть акушерка, а говоря без иносказаний, социальная революция, может помочь «рождению» новых производственных отношений, если есть «чему родиться», то есть – при старой надстройке— политике и старом законодательстве уже массово существуют новые экономические отношения (например, свободные наемные рабочие), которые следует закрепить не только идеологически, но и в юридических формах политической власти самих субъектов этих новых экономических отношений, т. е. – в законах. Юридические законы никогда не совершают революций, но в них закрепляются результаты революций.

Если же делается попытка создать «пустую» надстройку, т.е. такую систему политических и юридических отношений, для которой производительные силы в своем развитии еще не выработали реальной экономической основы, то такая надстройка долго не просуществует, ибо это будет иррациональная форма без содержания, точнее – форма с чуждым ей содержанием (Общество, как и природа, «не терпит пустоты»). Такая форма будет держаться лишь на физическом или моральном насилии правящего «клана» и через более или менее продолжительное время должна будет уступить место, хотя бы и сохранив старое название, такой

форме, которая действительно соответствует реально существующему экономическому базису. Поэтому «...Никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически»... (Ленин В.И., Полн. собр. соч., т. 34, с. 193).

Иными словами, базис управляет надстройкой. Если надстройка слишком отстала от развития базиса, она (юридическая и политическая надстройка) будет уничтожена насильно в процессе социальной революции. Если же «надстройка» – это бессодержательная форма, такая надстройка рухнет под напором экономической реальности. Пример первого рода – буржуазные революции в Европе XVI—XX вв. Пример второго рода – разложение социалистических и коммунистических общин типа «Икаррия», «Новая гармония» или российских коммун, организованных после Октябрьской революции.

Да и по части самого строительства коммунистического общества на базе мелкобуржуазной России, В.И. Ленин на XI съезде РКП (б) в 1922 году высказал мысль, что построить коммунистическое общество руками коммунистов – это ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунизм нужно строить «чужими руками» – руками капиталистов, которые создадут необходимый для социализма как начальной фазы коммунизма уровень развития производительных сил – государственный капитализм, на который уже коммунисты смогут поставить социалистическую надстройку, повернув с ее помощью госкапитализм на благо народа. «Некоммунистическими руками строить коммунизм» (Ленин В.И., Полн. собр. соч., т. 45, с. 98), – эта правильная мысль точно следует из марксистского понимания объективно ведущей роли базиса.

Тесная для содержания форма или бессодержательная (а потому – с чуждым содержанием) форма – они в равной степени обречены на исчезновение. Поэтому, замечает К. Маркс, «ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 13, с. 7). Переход к социализму возможен «лишь при условии, что основные экономические, социальные, культурные и политические предпосылки этого в достаточной степени созданы капитализмом» (Ленин В.И., Полн. собр. соч., т. 36, с. 130).

ВОПРОС ТРЕТИЙ

Что такое социализм?

ОТВЕТ. Само слово «социализм» в переводе с латыни дословно означает – «общественный», «товарищеский». Обычно «социализмом»

называют систему товарищеских отношений в общественном производстве, при которых осуществляется **совместный труд на общую пользу**.

Как динамичное понятие социализм существует в трех «ипостасях»: в виде идеи (теория), как движение (борьба сторонников идеи за ее осуществление), как реальность (теория, воплощенная движением в юридические нормы, реализуемые в экономической жизни общества). Так как две последние «ипостаси» изначально определяются сущностью идеи социализма, то обычно при ответе на вопрос: что такое социализм? – речь идет о теоретической модели социализма.

Но разные классы по-разному понимают социализм: поэтому моделей социализма существует много. Еще в 1848 году К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» дали критический анализ наиболее значимых в то время моделей социализма: феодальный, мелкобуржуазный, «истинный», буржуазный, критически-утопический социализм. Модели всех этих «социализмов» были детально разработаны их основоположниками и последователями. Социализм и коммунизм К. Маркса и Ф. Энгельса были бы в этом ряду еще одной, новой – шестой по счету! – моделью социализма.

Но в том-то и дело, что марксизм не изобретал никакой новой (еще одной!), пусть и более совершенной, системы общественного устройства и не пытался навязывать ее уже существующему обществу.. (М-Э., т. 20, с. 269). Сами Маркс и Энгельс в своих научных трудах разъяснили, что социализм – не выдумка гениальных мечтателей, а необходимый результат развития производительных сил в современном обществе. «Конституирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен не есть наше дело», – писал К. Маркс в начале своего жизненного пути (1843 г.). И та же мысль – на склоне лет: «Мы не можем решать уравнения, не заключающего в своих данных элементов своего решения», – повторяет К. Маркс в конце жизни, в 1881 году (т. 1, с. 379; т. 35, с. 132).

Поэтому миропонимание социализма марксистами качественно отличается от всех других социалистических учений. Социализм для марксистов – это то, что вырастает из капитализма и приходит ему на смену; социализм – посткапиталистическое общество. Задача марксизма (и марксистов!) – не в том, чтобы сконструировать еще одну, хотя бы – и более совершенную, систему общественного устройства, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс и выяснить, какому превращению подвергнется капиталистическое общество в своем развитии, что именно придет капитализму на смену. Марксизм дает не догматическую картину будущего мира социализма, а отправные пункты исследования перерастания капитализма в коммунизм, начальной, фазой которого является социализм, и – метод для этого исследования (М-Э, т.

39, с. 352); то есть марксизм дает методологию исследования перехода одного способа производства в другой способ производства. Но о том, что именно будет после капитализма, как будет, выглядеть посткапиталистическое общество после экономически обусловленного переворота в политической и юридической надстройке, – об этом марксизм говорит в самых общих чертах; иное было бы чудовищной фантазией.

Наиболее четко К. Маркс изложил "свои взгляды на превращение капитализма в социализм в работах: «Капитал» (Т. 1, гл. 24, §7), «Критика политической экономии», «Критика Готской программы». Главные черты социализма, вырастающие в недрах капитализма и закрепляемые социалистической революцией в политических и юридических нормах, суть следующие.

1. Средства труда приобретают гигантские размеры, которые допускают лишь их коллективное применение; что вынуждает ставить использование этих средств труда под контроль общества, первоначально – под контроль государства буржуазного, после социалистической революции – государства пролетарского с переходом под непосредственный контроль общества (Атомная энергетика – тому яркий пример).

2. Карликовая собственность многочисленных индивидуальных производителей перерастает в гигантскую собственность немногих. Происходит обобществление труда и капитала, превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства. Например, в «образцово-показательной» капиталистической стране – в США 0,5% семей владеют 22% национального богатства страны; из 15 млн. юридически независимых фирм-собственников 500 крупнейших корпораций производят 80% валового национального продукта; в сельском хозяйстве половина товарной продукции приходится на 5% всех ферм. Остальные миллионы собственников – это «почва», «фон» из (и – на) которой вырастают и господствуют гиганты капитала.

3. Развивается сознательное техническое применение науки, планомерное управление капиталистическим производством; государство во все большей степени вынуждено брать на себя управление производством. Важнейшим инструментом контроля и управления становится государственный бюджет, через который в развитых странах типа США или Франции перераспределяется около 50% национального дохода.

4. Сущностный признак социализма: распределение труда по способностям каждого и распределение результатов труда: по труду каждого («От каждого — по способностям, каждому, — по труду»). В развитых странах капитала уже давно функционируют системы профессионального подбора и профориентации, определяющие

способности каждого. В то же время на капиталистических предприятиях существует система распределения «по труду»: капиталист покупает как товар не индивидуальную, а совокупную рабочую силу коллективного работника, а каждому отдельному работнику внутри этого трудового коллектива – выплачивает из цены совокупной рабочей силы по его – работника – индивидуальному трудовому вкладу в соответствии с количеством и качеством труда данного работника. Поэтому, добавим, отдельная современная фабрика—это идеальная модель социализма. Но в капиталистическом обществе за пределами этой «модели» остаются три разряда социальных паразитов: сами капиталисты, безработные, не включенные в общественный производительный процесс мелкие хозяева. Но на то и социализм, чтобы двух первых категорий населения в нем не было, а о ликвидации мелких хозяев хорошо заботится сам капитализм.

5. При социализме отсутствует рынок как форма связи товаропроизводителей, ибо отмирает сама категория товара. Средства производства распределяются планомерно, а в распределении предметов потребления деньги теряют свою сущность товара – всеобщего эквивалента, превращаясь в «квитанции» о трудовом участии в производстве. Уже в наши дни деньги в развитых капиталистических странах все более перестают быть инструментом стихийного учета и контроля: производство, по сути, – планомерно осуществляется в мировом масштабе на основе долговременных договоров о поставках, а рынок товаров народного потребления сознательно управляется при помощи маркетинга, рекламы и достаточного количества резервов.

6. В итоге, пишет К. Маркс, «историческое назначение капитала будет выполнено тогда, ...когда сам прибавочный труд... станет всеобщей потребностью»... а «всеобщее трудолюбие... приведет к тому, что... прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека» (т. 46, ч. 1, с. 280). До этого – не близко, но к этому – идет. Исследования показывают, что, например, в США до 20% рабочих реализуют себя как личность именно в общественном производстве, для этой части трудящихся труд уже стал потребностью.

7. В результате исторически прогрессивной работы капитализма в развитых странах складывается и самый высокий уровень жизни трудящихся масс. (В настоящее время таковыми являются Канада, Норвегия, США, Швейцария, Швеция, Япония...). Но на этом уровне развития становится излишней и сама «капиталистическая оболочка» (К. Маркс) уже общественного, по сути, производства. «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». Это уничтожает и паразитическое потребление, что еще более повышает уровень жизни. Социалистическая революция приводит надстроечную юридическую и политическую регламентацию

общественной жизни в соответствие с экономическим базисом, «оформляя» те производственные отношения, которые уже реально существуют. Как писал Ф. Энгельс, «Овладев всеми средствами производства в целях их общественно-планомерного применения, общество уничтожит существующее ныне порабощение людей их собственными средствами производства» (М.-Э., т. 23, с. 773; т. 20, с. 305). Обеспечив коренной интерес социалистического движения – совместно трудиться на общую пользу, трудящееся человечество пойдет по социалистическому пути. А дальше... Будущие поколения будут не глупее нас, правомерно считал Ф. Энгельс.

В.И. Ленин так же не строил «моделей социализма», тем более что «создастся цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев всех стран» (т. 36, с. 306). Как и К. Маркс, В.И. Ленин обращал внимание на то, что никакое восстание не создаст социализма, если социализм не созрел экономически в недрах капитализма, и только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма (т. 20, с. 175; т. 34, с. 193). Неоднократно В.И. Ленин подчеркивал, что основа социализма в экономике – «в простейшей и очевиднейшей истине» – «Кто не работает, тот да не ест» (т. 36, с. 357). Социализм в надстройке есть уничтожение классов. «Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество» (В.И.Л., т. 38, с. 353).

Таким образом, **социализм в его марксистском понимании характеризуется тремя, необходимыми и достаточными, признаками: 1) Каждый работает по способностям и получает предметы потребления по труду; 2) Все члены общества находится в одинаковом отношении к средствам производства; 3) Уровень жизни при социализме выше, чем при капитализме.** Подчеркнем: каждый из этих признаков может быть осуществлен по отдельности и не в социалистическом обществе, но только в совокупности они, будучи реализованными, дадут общество, которое марксисты назвали – «СОЦИАЛИЗМ».

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ

Октябрьская революция: буржуазная или социалистическая?

ОТВЕТ. Социальная революция преобразует политическую и юридическую надстройку способа производства, приводя ее в соответствие с преобладающими в обществе экономическими отношениями. По типам различаются революции национально-освободительные, буржуазные, социалистические и др. В характеристику

любой революции в неразрывной связи включаются ее содержание (Что делает?) и ее движущие силы (Кто делает?). Коренной вопрос всякой революции в политике – это вопрос о власти, коренной вопрос в экономике – вопрос о собственности.

Буржуазная революция – это революция, ставящая целью уничтожение феодального строя или его остатков: в зависимых и колониальных странах она направлена также на завоевание национальной независимости. Проблема власти в буржуазной революции решается соотношением классовых сил. Буржуазная революция, в которой угнетенное крестьянство, городская беднота, пролетариат выступают с самостоятельными требованиями, является буржуазно-демократической революцией. Сущность буржуазной революции – дать полный простор рыночным отношениям, создать политические и юридические условия для полного превращения непосредственного производителя в наемного работника, а собственника средств, производства – в работодателя-капиталиста.

Социалистическая революция – это пролетарская революция. Она включает в себя взятие власти рабочим классом, сознательное управление экономическими и социальными процессами в целях перехода от капиталистической к коммунистической формации, первой фазой которой является социалистически способ производства. Цель социалистической революции на первом ее этапе раскрывается известной формулой: «От каждого – по способности, каждому – по его труду». По мере развития производительных сил совершенствуются производственные отношения, приводя в дальнейшем к созданию ассоциации, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

Россия, как известно, в конце прошлого и начале нынешнего века вступила на путь капиталистического развития и быстро по нему продвигалась. Но Россия на 100—200 лет опоздала с проведением буржуазной революции по сравнению со странами Западной Европы. Так, в Англии в 1649 году казнили короля и к власти пришел парламент, то есть буржуазия; в России в том же 1649 году «Соборное Уложение» объявило крестьян «крепкими» своим феодалам, право владеть землей и крестьянами становится привилегией дворянства; то есть, в один и тот же год в Англии феодализм ликвидируется, а в России – укрепляется. Это отставание в социальных преобразованиях наложило неизгладимый отпечаток на характер и движущие силы русских революций XX века.

В декабре 1906 г. В.И. Ленин рассуждал так: «Революция в России не буржуазная, ибо буржуазия не принадлежит к движущим силам теперешнего революционного движения России. И революция в России не социалистическая, ибо она *никоим образом* не может привести пролетариат к *единственному* господству или диктатуре» (т. 14, с. 224). Позже, в апреле 1917 г., переезжая из эмиграции в Россию, В. И. Ленин

писал: «Россия – крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм» (т. 31, с. 91).

В.И. Ленин, как видим, и не предполагал, что революция в России сразу приобретет социалистический характер. Февральская революция 12 марта 1917 года, свергнув самодержавие, не решила ни одной из задач буржуазно-демократической революции – не дала народу ни мира, ни земли, ни хлеба, ни, тем более, власти. Объективно Октябрьская революция 7 ноября 1917 года явилась продолжением февральской революции, имея тот же характер и движущие силы. Без «Февраля» не было бы «Октября»; но «Октябрь» в ноябре 1917 г. также не мог бы свершиться, если бы «Февраль» в марте был не дворцовым переворотом, лишь «царя скинувшим», а подлинно народной буржуазно-демократической революцией, выполнившей свою историческую роль.

Характер и движущие силы Октябрьской революции были четко обозначены еще в то время. 25-го октября 1917 г. (по старому стилю) Военно-революционный комитет при Петросовете в воззвании «К гражданам России!» констатировал, что дело, за которое боролся народ, это дело обеспечено: «Немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства» (Ленин В.И., т. 35, с. 1). Тогда же в докладе о задачах Власти Советов. В.И. Ленин подчеркнул, что свершилась «рабочая и крестьянская революция» (т. 35, с. 2). Таким образом, и по содержанию (мир, хлеб, земля, контроль), и по движущим силам (рабочие и крестьяне) Октябрьская революция была буржуазно-демократической революцией.

Октябрьская революция, по мысли В.И. Ленина, лишь в своем конечном развитии должна привести к всемирной победе социализма. Непосредственные же задачи, решаемые Октябрьской революцией, были порождены интересами не пролетарско-социалистическими, а общенациональными и мелкобуржуазными (крестьянскими), ибо именно крестьянство являлось в то время решающим фактором. На VIII съезде РКП(б) у Ленина даже вырвалась такая фраза: «В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства,... пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции», – а сама революция до организации в деревне комитетов бедноты, т.е. до лета 1918 года была революцией буржуазной (т. 38, с. 143). Остается добавить, что комбеды существовали всего несколько месяцев, а затем все встало «на круги своя»; пролетарская революция в деревне не получилась. Таким образом, в первые годы Советской власти, поскольку революция была двуединой, рабоче-крестьянской, в практике революционных преобразований шла борьба двух тенденций: пролетарско-социалистической и крестьянско-буржуазной.

Конечное решение проблема борьбы интересов пролетариата и крестьянства получила в НЭПе, когда пролетарская надстройка капитулировала перед крестьянским базисом. Но и до этого В. И. Ленин неоднократно определял характер Октябрьской революции как *буржуазной* революции (Ленин В.И., т. 37, с. 508; т. 38, с 143, 178, 192). На III конгрессе Коминтерна им было четко заявлено, что в России «без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна» (т. 44, с. 36). Но вызвать мировую пролетарскую революцию, как известно, не получилось, ибо революции не делаются «по заказу» (как, кстати, и контрреволюции), хотя марксистская идея социализм живет, и в мире продолжают вызревать материальные и духовные предпосылки будущего социалистического общества, среди которых – бесценный опыт России и ее семидесятилетнее революционизирующее воздействие на все мировое, развитие.

Борьба двух тенденций в ходе гражданской войны, интервенции и крестьянских восстаний привела к НЭПу и склонила чашу весов истории в пользу буржуазного развития России при Советской власти. Через четыре года после Октябрьской революции, подводя итог сделанному, В.И. Ленин с присущей ему откровенной беспощадностью констатировал: «Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед к революции социалистической» (т. 44, с. 144—145).

Таким образом, в результате Октябрьского восстания 1917 года была разрушена феодально-буржуазная надстройка и установлена советская власть. Но экономический базис оставался в основном натурально-мелкотоварным. В 1924 году доля рабочих в населении СССР, составляла 10%, а доля крестьян и кустарей возросла до 75%. **По своим экономическим результатам Октябрьская революция была не социалистической, а буржуазно-демократической революцией.** Социалистическая революция должна бы свершиться позже, когда для нее созреют объективные и субъективные условия, сознательно создаваемые Советской властью. При этом марксизм исходит из того, что социализм побеждает в наиболее развитых капиталистических странах. Коммунизм невозможен как «местный» коммунизм, – предупреждали К.Маркс и Ф.Энгельс – «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения» (т.3,с.34).

ВОПРОС ПЯТЫЙ

В чем сущность НЭПа?

ОТВЕТ. Новая экономическая политика (НЭП) – это прежде всего вовсе не новая, а старая политика, декларированная Советской властью в апреле 1918 года в работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» (соч. т. 36, с. 165—208). Будучи Председателем Совета Народных Комиссаров (то есть – главой исполнительной власти), В.И. Ленин считал необходимым и достаточным для окончательной победы социализма в России проведение в жизнь массой трудящихся следующих «очередных и главных» лозунгов момента: «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде». Чтобы Россия стала не только советской, но и социалистической республикой, на основе реализации этих лозунгов, по мнению В.И. Ленина, должна быть преодолена главная трудность в экономической области: «осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, **обобществить** производство **на деле** (т. 36, с. 171). Следовательно, социализм как непосредственно общественное производство с самого начала предполагалось строить с помощью товарно-денежных отношений. Но сам **социализм – не рыночное хозяйство**.

Объективная необходимость такого подхода состояла в том, что Россия до Октябрьской революции не была капиталистической страной, экономический базис и после революции оставался в основном мелкотоварным и даже натуральным; Октябрьская революция была еще только буржуазно-демократической, а не социалистической революцией; капитализм в России не выполнил своей исторически прогрессивной работы – не создал материально-технических и организационно-экономических предпосылок для социализма. Ход событий поставил Советское государство перед необходимостью провести Россию от мелкотоварного (крестьянского) к социалистическому (бесклассовому) обществу, обеспечив на основе более высокой, чем при капитализме, производительности труда наивысший уровень жизни при соблюдений принципа распределения «по труду». Поскольку «перепрыгнуть» через фазы общественного развития невозможно, российское общество советской властью должно было обеспечить развитие капитализма в России XX века. А развитие капитализма – это развитие рынка, экономного хозяйничания, умения считать деньги, строжайшей дисциплины и высокой интенсивности труда. Ведь по среднедушевому объему национального дохода Россия в 1913 году отставала от развитых капиталистических стран в 5 раз, а в 1920 году – в 12 раз («МЭ и МО», 1987 г., № 11, с. 150). Догнать эти страны по уровню экономического развития было «вопросом жизни или смерти» для РСФСР – СССР.

Поэтому слишком упрощенно – трактовать НЭП как отступление в структуре хозяйства царской России, ибо «заторможение» экономического развития на до-капиталистической стадии мелкотоварного хозяйства столь же невозможно, сколь невозможно создание социализма в одной отдельно взятой стране без прохождения через капиталистический этап развития. В.И. Ленин трактовал НЭП как отступление, хотя и в интересах мелкого товаропроизводителя-крестьянина, но отступление не к мелкому, а к крупному товарному производству, т.е. к капитализму, к капиталистическому крупнотоварному рынку под контролем Советского государства как формы диктатуры пролетариата. В.И. Ленин писал (а смягчать ленинские выражения не надо), что «новая экономическая политика... означает переход к восстановлению капитализма... На почве... свободной торговли капитализм не может не расти». Далее В.И. Ленин уточняет направления отступления: «Отступаем... к государственному капитализму,.. к кооперативному капитализму, к частнохозяйственному капитализму,.. к торговле» (т. 44, с. 159 - 160, 487- 488).

НЭП, следовательно, был обусловлен недостаточным для социализма уровнем развития экономического базиса России, что внешне проявлялось как «уступка» крестьянству. В.И. Ленин постоянно указывал, что осуществляется не пролетарская, а мелкобуржуазная программа. Декрет «О земле», принятый вторым Всероссийским съездом советов, был «составлен социалистами-революционерами», а хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет земля, неизбежно направится не в сторону социализма, а в сторону капитализма. Высокая оплата буржуазных специалистов – «шаг назад нашей социалистической, Советской, государственной власти». «В НЭПе мы сделали уступку крестьянину как торговцу, принципу частной торговли» (т. 35, с. 27; т. 36, с. 179; т. 45, с 369—370). В НЭПе реализовалась не юридическая норма Конституции РСФСР, принятой 10 июня 1918 года, о «водворении социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» (Ст. 9), а экономическая программа ПСР (партии социалистов-революционеров), опубликованная в апреле 1921 года в журнале «Революционная Россия» (См.: Подболотов П.А. Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л. Изд. Л.Г.У., 1975, с. 45—60).

Коммунисты, став у власти, «новой» экономической политикой необходимо должны были продолжить развитие капитализма в России, чтобы затем перейти к социализму, т.е. - на данном этапе коммунистам пришлось для других «таскать каштаны из огня». Предвидя «а основе анализа прошлого, подобную ситуацию в будущем, Фридрих Энгельс писал следующее: •

«В одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все ж такие вещи, которые отвечают

непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелко-буржуазным. Связанные своими собственными... печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны». И даже более резко: вождь, взявший власть, когда материальные условия существования отношений производства и обмена, за которые он боролся, еще не созрели, должен будет «отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего собственного класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 7, с. 423; т. 28, с. 490—491).

Проблема характера производственных отношений в годы НЭПа сводилась собственно к тому – социалистические ли отношения в государственном секторе? (Что в других секторах - капиталистические и докапиталистические отношения, спору не было).

При жизни В.И. Ленина и не думалось иначе, что государственные предприятия в рынке – это не социалистические, а государственно-капиталистические предприятия. Как само собой разумеющееся, было принято на XIII съезде РКП (б) в 1924 году положение, высказанное в докладе Г.М. Кржижановского, председателя Госплана и личного друга Ленина, что «по сути дела вся наша строительная хозяйственная работа сводится к тому, что мы хотим противопоставить мелкобуржуазным анархистским хозяйственным отношениям государственно-монополистический капитализм»; если «мы в результате октябрьских завоеваний строим царство социализма, то, следовательно, мы никак не можем миновать этой государственно-монополистической системы капитализма»; сейчас «мы имеем частный капитал, ставящий выше всего свободу конкуренции на вольном рынке,... далее мы имеем крупную промышленность, представляющую уже государственный капитализм, и, наконец, элементы социалистического хозяйства, по мере сил вкладываемые нами в новое строение нашего хозяйства» (Тринадцатый съезд РКП (б). М., 1963, с. 396, 397, 398).

Вопрос о господствующих в СССР производственных отношениях был насущно-жизненным, критериальным. Поэтому он возник и на следующем, XIV съезде ВКП(б). Утверждалось, с полным основанием, что на государственных предприятиях отнюдь не полный социализм, что «мы имеем сейчас в основном... то, что В. И. Ленин называл государственным капитализмом». Внешняя торговля ведется как государственно-капиталистическое предприятие; государственный банк является точно так же государственно-капиталистическим предприятием. Вся система хозяйства, поскольку она связана с товарным производством и насквозь проникнута денежными отношениями, связана с элементами товарного капиталистического хозяйства» (Четырнадцатый съезд Всесоюзной

коммунистической партии (б.) М., 1926, с. 102, 141, 142-143, 325, 326). В ту пору было еще возможно, следуя идеям В. И. Ленина, говорить, что думаешь, и называть вещи и явления своими именами.

Точно так же в те годы мыслил И.В. Сталин. В лекциях «Об основах ленинизма», прочитанных в апреле 1924 года в университете имени Свердлова, Сталин говорил: «Главная задача социализма – организация социалистического производства. Можно ли разрешить эту задачу в одной стране? Нет, невозможно. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже не достаточно, – для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран». (Сталин И., О Ленине и ленинизме. Л., 1924, с. 59).

Заметим на будущее: В.И. Ленин верил, что из России нэповской будет Россия **социалистическая**; делегаты XIII и XIV съездов коммунистической партии констатировали, что к **социализму** в России дорога проходит через **государственно-монополистический капитализм**, в который все более встраиваются элементы социализма; И.В. Сталин учил коммунистов в комуниверситете, что в России вообще **невозможно организовать социалистическое производство** без помощи высокоразвитых капиталистических стран.

Сравнивая идеи К. Маркса с алгоритмом построения социализма в России, принятым В.И. Лениным, видим их принципиальное различие. По Марксу (и, кстати, по Плеханову), логика истории такова: мелкотоварное производство – капиталистическое производство – буржуазная революция – буржуазное государство – предпосылки и элементы социализма – социалистическая революция – диктатура пролетариата и переходный период – социалистическая экономика. Здесь политика послушно следует за экономикой, базис формирует соответствующую ему надстройку.

По Ленину, для России последовательность событий совершение иная: мелкотоварное производство – буржуазная революция – диктатура пролетариата – капиталистическая экономика и переходный период – социалистическая революция – социалистическая экономика. Здесь политика имеет первенство над экономикой, надстройка формирует антагонистичный ей базис. Советское государство должно было превратить мелкотоварную российскую экономику в капиталистическую, а уж ее – в социалистическую. Под «пустую» советскую надстройку со временем был бы подведен адекватный ей экономический базис, а главное, – была бы создана соответствующая материально-техническая база высокоразвитых производительных сил.

Это разъяснял на XI съезде РКП(б) в 1922 году В.И. Ленин: «Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это – ребячья, совершенно ребячья идея... Управлять хозяйством мы сможем, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами

будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят,... чтобы некоммунистическими руками строить коммунизм», а поэтому «мы должны некоторое время существовать среди капиталистического уклада» (т. 45, с. 98, 111).

Таким образом, **сущность НЭПа в том, чтобы в условиях советской власти как формы диктатуры пролетариата пройти исторически необходимый период развития капитализма в России, обеспечив на основе капитализации экономики обобществление производства на деле и повышение производительности труда, создание всех необходимых предпосылок для социализма**, в конечном счете – создание социалистического и коммунистического общества в России. Иными словами, на основе НЭПа нужно было пройти путь от свершившейся буржуазной революции февраля – октября 1917 года до грядущей социалистической революции, выведя Россию в ряды передовых в технико-экономическом отношении стран.

ВОПРОС ШЕСТОЙ

Является ли «социалистическое накопление» «накоплением социализма»?

ОТВЕТ. Накопление бывает текущее и первоначальное. Текущее накопление – это «применение прибавочной стоимости в качестве капитала, или обратное превращение прибавочной стоимости в капитал». (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. т. 23, с. 592). Чтобы прибавочную стоимость можно было превратить в капитал, нужно наличие на рынке: а) дополнительных средств производства; б) предметов потребления для добавочных рабочих; в) самих добавочных рабочих (Политическая экономия. Словарь. М., 1990, с. 294—295).

Что касается текущего «социалистического накопления», вынесенного в заголовок, то советская литература обычно уходила от качественного анализа этого процесса, перенося вопрос в область количественных пропорций. Тот же словарь определяет: «Накопление социалистическое – использование части национального дохода на нужды расширения производства. Выражается в приращении основных фондов, оборотных средств и создании страховых резервов... Фонд накопления национального дохода в действующих ценах достиг примерно 25%». Ни о каких «добавочных рабочих» и «предметах потребления» для них уже не упоминается. Однако, поскольку накопление и здесь связано с расширением производства, логично будет предположить, что в любом случае при текущем накоплении речь может идти только о расширении и совершенствовании уже сложившихся производственных отношений, а не о переходе к новым отношениям.

Иное дело – первоначальное накопление: оно предшествует накоплению текущему или идет параллельно ему и является не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом. Суть в том, пишет К. Маркс, что деньги и товары, точно так же, как и жизненные средства и средства производства, отнюдь не являются капиталом сами по себе. Они должны быть превращены в капитал. А капиталистические отношения предполагают, что собственность на средства производства отделена от рабочих, то есть средства производства не принадлежат им, как это имеет место у крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса (См.: М – Э., т. 23, с. 725 – 728). Земля через денежный оборот превращается в капитал, а крестьянин – мелкий производитель – вынужден продавать свою рабочую силу капиталисту.

Проблема в том, что, напомним, до Октябрьской революции лишь 15% национального дохода России создавалось в отраслях хозяйства, где господствовал капитализм. В СССР, по официальным данным, в 1928 году крестьяне-единоличники и некооперированные кустари составляли 75% населения, рабочие – только 10%, капиталисты – 9%. Исходя из этого, XIII съезд РКП (б) в 1924 году, принял как должную констатацию Г.М. Кржижановского, что в Советской России существуют лишь «элементы социалистического хозяйства, по мере сил вкладываемые нами в новое строение нашего хозяйства». А поскольку целью является создание социализма в СССР на основе многоукладного хозяйства, то «мы никак не можем миновать государственно-монополитической системы капитализма» (Тринадцатый съезд РКП (б). М., 1963, с. 396—398). Иными словами, государственная промышленность должна была накапливать постепенно, все больше элементов социализма, что и было бы «накоплением социализма»; частный капитал можно было превратить в государственно-монополистический методом национализации – работник не изменил бы свое состояние наемного работника; но за пределами этих преобразований оставалось 75% населения – крестьяне и ремесленники, мелкие собственники средств производства.

Сегодня мы знаем, как именно «решена» эта проблема. Прежде всего было предпринято идеологическое «решение» – методом переименования. Уже резолюция XIV съезда ВКП (б) от 23 декабря 1925 года «По отчету Центрального комитета» требовала вести борьбу с попытками рассматривать государственные предприятия как предприятия государственно-капиталистические. Стало быть, все государственное объявлялось социалистическим, а иные взгляды – «извращением ленинизма». Резолюция XV съезда ВКП (б) от 19 декабря 1927 года «О работе в деревне» объявила и кооперативные предприятия могущественными рычагами социалистического преобразования деревни.

А резолюция XVI конференции ВКП (б) (апрель 1929 года) «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» объединила государственный и кооперативный секторы в один общий «социалистический сектор», которому в 1927 году принадлежало 53% основных фондов СССР. Метод «крещения порося в карася» был применен абсолютно точно: переменили название – и готов «социалистический сектор»!

При этом полностью игнорировалось, что еще Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг» (1878 г.) называл «фальшивым социализмом» и «добровольным лакейством» объявление «без околичностей социалистическим всякое огосударствление». Ф. Энгельс предупреждал, что «лишь в том случае, когда средства производства или сообщения действительно перерастут управление акционерных обществ, ...их огосударствление станет экономически неизбежным», а в любом другом случае все это не становится «шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным». (М.—Э., т. 20, с. 289). Но советские коммунисты Энгельса читали мало, кто читал – помалкивал, кто «высунулся» – с тем рассчитались в 37-м...

Другой путь «строительства» социализма – путь надстроечных, политических и юридических преобразований и деклараций, проводимых вне всякой зависимости от развития материально-технической базы и уровня жизни населения; эти надстроечные политико-юридические преобразования выдавались за изменения базисных экономических отношений и объявлялись строительством социализма. Типичны в этом отношении два взаимосвязанных процесса – коллективизация и индустриализация. После их осуществления Восемнадцатый съезд ВКП (б) в марте 1939 года в резолюции «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР» записал: «В нашей стране «осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм» (Сталин). Победа социализма законодательно закреплена в новой Конституции СССР» (КПСС в резолюциях... М., 1985, Изд. 9, т. 7, с. 51). Тем самым положение о «победе социализма в СССР» было канонизировано в формах политических актов, юридических норм, партийно-идеологических деклараций.

Иначе обстояло дело на уровне реальных экономических отношений. За 1928—1940 гг. в СССР было построено и введено в действие 9 тыс. крупных государственных промышленных предприятий; 25 млн. мелких единоличных крестьянских хозяйств были объединены в 0,24 млн. колхозов и совхозов; доля крестьян в населении сократилась с 75% до 50%; производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства увеличились в 2,4 раза; численность рабочих и служащих – в 3 раза; за 1913—1940 гг. доля занятых в промышленности и строительстве увеличилась с 9% до 23%, а доля занятых в сельском и лесном хозяйстве (включая личное подсобное сельское хозяйство) уменьшилась с 75% до

54%. Но увеличение числа государственных предприятий не могло изменить их общественной формы как государственно-капиталистических, а колхозы по уровню кооперации «не дотягивали» и до уровня мануфактуры.

Приведенные данные свидетельствуют, что между гражданской и Великой Отечественной войнами в России шло (назовем его так) **накопление советского капитала** в обеих его формах – текущего и первоначального накопления, поскольку крестьянин-единоличник отрывался от принадлежащих ему средств производства и становился работником либо колхоза, либо государственного предприятия. Источником накопления советского капитала было личное потребление, жизненный уровень населения, регулируемый через механизм розничных и заготовительных цен. Так, согласно официальным данным, производительность труда за 1913—1940 гг. повысилась в промышленности почти в 4 раза, в сельском хозяйстве – в 2 раза. По закону стоимости должны были удешевиться производимые товары; однако за тот же период, например, хлеб ржаной подорожал с 6 коп. до 85 коп. за 1 кг, говядина – с 54 коп. до 7 руб. 60 коп. за 1 кг, пара ботинок мужских – с 4 руб. 80 коп. до 90 руб. и т. п. Только с 1928 по 1940 гг. государственные розничные цены на все товары выросли в 6,4 раза, а заготовительные цены на продукцию сельского хозяйства – лишь в 1,4 – 2,4 раза, на технические культуры – в 3 – 5 раз (Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. М., 1964, с. 191, 266, 267, 403). В результате рабочий прогадывал покупая, колхозник (половина населения) – и покупая, и продавая.

Разница между объективно складывающейся стоимостью товара и его завышенной государством ценой на стороне трудящихся оборачивалась «затягиванием поясов потуже», на стороне государства – усилением экономической мощи. По производству промышленной продукции накануне Великой Отечественной войны СССР вышел с 4-го на 1-е место в Европе и с 5-го на 2-е место в мире. Высоким был и технический уровень промышленного производства: 80 – 85% оборудования, установленного на советских заводах, было закуплено на Западе за счет экспорта зерна. Индустриализация и коллективизация, действительно, – великий подвиг советского народа, без которого не было бы победы в Великой Отечественной войне.

Но этих успехов недостаточно, чтобы назвать Советский Союз социалистической страной в марксистском, научном смысле самого понятия «социализм».

Дело, во-первых, в том, что низшая стадия коммунизма, социализм, начинается, по Марксу, с того уровня, к которому приближался наиболее передовой капитализм. Социализм предполагает, писали К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» в 1845—1846 гг., «огромный рост

производительной силы, высокую степень ее развития... Без него имеет место лишь всеобщее распространение **бедности**; а при **крайней нужде** должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость» (т. 3, с. 33). В СССР уровень общественной производительности труда по сравнению с развитыми капиталистическими странами составлял в 1913 году 23% в 1929 году – 19%, а в 1938 году – 29% (МЭ и МО, 1987, № 12, с.144); реальные доходы трудящихся были в 2—3 раза ниже чем, например, в США (СССР – США, М., 1961, с. 89). Действительно, обобществление нужды не дает богатства, а бедность поворачивает взгляд трудящегося в сторону капитализма.

Во-вторых, даже по официальной версии, в СССР сохранились классы рабочих и крестьян. Их именовали «дружественными», но «дружба» – понятие морально-этическое, а «классы» – экономическая категория, продукт экономических отношений производства и обмена. «Классами называются большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» (Ленин В.И., т. 39, с. 15). Если месячная плата за труд в 1940 году составляла у колхозника 11,7 руб., у рабочего – 30,7 руб., у служащего – 53,5 руб., то этот разрыв в доходах, плюс отсутствие у колхозника паспорта, плюс управление рабочим и колхозником со стороны технократа-служащего – все это гораздо существеннее идеологической декларации о «классовой дружбе». Поэтому, повторим, «общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество» (Ленин В.И., т. 38, с. 353).

В-третьих, и это главное, не был осуществлен принцип «от каждого – по способностям, каждому – по труду». Совершенно не было реализовано его изначальное положение: «от каждого – по способностям», ибо для его реализации должна быть создана общегосударственная система профессионализации населения, включающая в себя профподбор и профориентацию, определяющая способность человека выполнить ту или иную работу. Подобные системы давно существуют в индустриально развитых странах. Но в СССР выбор профессии и места работы осуществлялся «вслепую», методом «проб и ошибок». Отсутствие определения способностей каждого трудящегося лишило возможности распределять совокупную рабочую силу в зависимости от способностей работника и – использовать способности каждого работника с наибольшей общественной эффективностью.

Распределение произведенных предметов потребления по труду, если и осуществлялось, то лишь в пределах отдельных предприятий. В масштабе народного хозяйства этот социалистический принцип разрушался многократным различием в уровне норм выработки, надбавками на «значимость отрасли» и на «местные условия» и т. п. Трехкратным было различие в оплате труда между государственными рабочими и колхозниками.

Внутри самого колхозного сектора, в котором до Великой Отечественной войны жила и трудилась половина населения СССР, различия были еще больше. Прежде всего, в 1940 году 27% всей товарной продукции сельского хозяйства производилось, в личном подсобном хозяйстве, что к социалистическим производственным отношениям никак не принадлежало. Удельный вес подсобного хозяйства в совокупных личных доходах семьи колхозника в 1940 году составлял 48%, тогда как в семье рабочего – всего лишь 9%. Многократным было и различие между колхозами в оплате за один отработанный человеко-день (Кузнецов Г.Я. Социально-экономические проблемы советской деревни. М., 1977, с. 31, 135, 165). Это значит, что социалистический принцип оплаты «по труду» не действовал в колхозном секторе как целом.

Таким образом, **накопление советского капитала в СССР, проведя страну «от сохи до атомной бомбы», не сделало СССР социалистической страной, ибо:** а) распределение работы осуществлялось не по способностям, а распределение предметов потребления – не по труду; б) сохранялись классы, находящиеся в разном отношении к средствам производства; в) уровень жизни трудящихся был значительно ниже, чем в развитых капиталистических странах. **В СССР существовала смешанная экономика, где преобладал государственный капитализм в мелкобуржуазном исполнении, но не «социализм в основном».** «Марксистская платформа в КПСС» в 1990 году правильно констатировала, что «в СССР к настоящему моменту сложилось общество, в основе которого лежит неустойчивый (в историческом смысле) конгломерат элементов докапиталистических, государственно-капиталистических и социалистических общественных отношений» (Правда, 17.04.90). Во всяком случае, элементов социализма в экономике СССР было не больше, чем в регулируемой рыночной экономике Швеции или «какой-нибудь» Исландии.

ВОПРОС СЕДЬМОЙ

Совместимы ли в реальной действительности «социализм» и «рынок»?

ОТВЕТ. Рынок как совокупность актов купли и продажи товаров есть функция промышленного капитала; возникновение и развитие рынка определяется возникновением и развитием товарного производства, которое создает, в конечном счете, общественный характер капиталистического товарного хозяйства. На всех этапах развития производства рынок присутствовал в экономике (продавали рабов, не производя их, как и крепостных крестьян), но лишь с переходом к господству промышленного капитала рынок стал посредником в движении индивидуальных капиталов, связывая их в единый общественный капитал. Современный рынок есть особая сфера движения промышленного капитала в единстве с кругооборотом, его обособившихся форм торгового и ссудного капитала. Взаимная связь и переплетение всех этих форм капитала в процессе их постоянного движения образуют всеобъемлющий рынок средств производства и рабочей силы, потребительских товаров и услуг, капитала и денег и др. В этом рынке постоянно присутствует купля-продажа рабочей силы, отношения эксплуатации человека человеком. Разумеется, при любом, сколь угодно высоком, уровне жизни населения, этот – **капиталистический рынок** не совместим с социалистическими производственными отношениями.

Другой вид рынка – рынок **мелких товаропроизводителей**, которые сами, своим трудом, на принадлежащих им самим средствах производства производят продукты, часть которых потребляют сами вместе со своей семьей, а часть – выносят на рынок и реализуют как товары. Мелкотоварный рынок предшествует капиталистическому и соседствует с ним. Товарность мелких производителей различна: в СССР в 1923 г. на рынок поступало от 2% валовой продукции сельского хозяйства в Архангельской губернии до 30% в Полтавской губернии. В 1940 г. в «личном подсобном», по сути – мелкотоварном, хозяйстве производилось 27%, в 1975 г. – 12% всей товарной продукции сельского хозяйства СССР. Поскольку и сегодня более половины населения земного шара составляют мелкие производители, крестьяне и ремесленники, значение натурального и мелкотоварного производства нельзя игнорировать. Но к социализму мелкотоварное производство стоит в противоречивом отношении: когда мелкий товаропроизводитель нанимает рабочую силу, он превращается в капиталиста, т. е. мелкое товарное производство – база капитализма, а не социализма. «Мелкое хозяйство при сохранении товарного хозяйства и капитализма **не в состоянии** избавить человечество от нищеты масс» (Ленин В. И., т. 31, с. 272). Но всеобщая нищета – это не социализм.

Поэтому марксизм видит социалистическое производство как непосредственно-общественное, бестоварное производство, которое основано на разделении труда в обществе и планомерно организованном безэквивалентном обмене деятельностью в производстве. Пробразом и базой социалистического производства является современное капиталистическое предприятие, внутри которого нет места рынку, а производство и труд научно организованы. Превратить все общество в единую фабрику – это значит «только» то, что все общественное производство необходимо организовать как капиталистическую фабрику, избавившись на этой основе от двух паразитических групп населения: неработающих капиталистов и безработных трудящихся. При распределении «по труду» и высоком уровне жизни это и будет социализм...

В.И. Ленин однозначно считал, что общество, основанное на товарном производстве, стоящее в обмене с цивилизованными капиталистическими нациями, на известной ступени развития неизбежно становится и само на путь капитализма (См. т. 11, с. 37). Перевод предприятий на хозяйственный расчет В.И. Ленин называл переводом на «капиталистические основания», восстановлением капитализма, развитием буржуазных отношений (т. 44, с. 211, 343). И уж совсем четко: «Коммерция»? = капитализм» (т. 44, с. 473). Рынок для В.И. Ленина – это историческая неизбежность перехода к социализму в слаборазвитой стране, но товарное производство и рынок в любой форме не присущи социализму. Даже всеобщее кооперирование населения (но – рынок!) – «это еще не построение социалистического общества» (т. 45, с. 369, 370).

Иначе решал проблему И.В. Сталин. Объявив, в предвоенные годы о «построенном в основном социализме», он впоследствии не мог не видеть развития рыночных отношений в СССР, антагонистичных социализму. «Отменить» социализм, то есть сказать народу правду о существующих в СССР рыночных, капиталистических отношениях, никакой Генсек не смог. И.В. Сталин в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (М., 1952, с. 10 – 24) – поступил наоборот: он заявил, что рынок, товарное производство и закон стоимости могут не только успешно существовать при социализме, но и «обслуживать социалистическое общество». Теоретически И.В. Сталин оказался «глашатаем» рыночного «социализма»; практически – каждый видит, к чему привела эта ошибочная «теоретическая установка».

В то же время сегодня нигде нет даже рыночного капитализма в чистом виде, где существует «игра рыночных сил», по Смит; это невозможно при монополиях, при государственном регулировании, когда буржуазное государство, регулируя экономику, перераспределяет через бюджет 50% и более валового национального продукта, когда, например, в ФРГ (западной) государственная собственность на промышленные

средства производства составляет 30%, а во владении земель – около 50%. Современные формы капитализма – это формы монополистической планомерности, деятельности фирм на основе систем перспективного, текущего, оперативно-календарного планирования, развития систем маркетинга и резервирования производства. На немонополистический сектор в развитых странах приходится лишь около 40% общественного производства. Сбывается прогноз В.И. Ленина, что «сейчас мы имеем прямое перерастание капитализма в высшую планомерную форму его» и «капиталисты берут прибыль более планомерно» (т. 31, с. 444). Усиливая планомерность, капитализм все более приближается к социализму; увеличивая рыночную стихию, СССР—РФ все более уходили и уходят и от социализма, и от государственности.

Таким образом, **«социализм» и «рынок» не совместимы ни в реальной действительности, ни в теории.** Пропорции социалистического производства регулируются планомерно, т. е. на основе науки. Рынок же есть инструмент стихийного регулирования производства на основе соотношения спроса и предложения товаров. При рыночном регулировании возникают кризисы перепроизводства, классовое расслоение общества, рынок деформирует распределение труда (безработица) и распределение по труду (прибыль, процент, рента, дивиденд), снижаются темпы роста производства. Либо рынок и домонополистический капитализм, либо планомерность как необходимая предпосылка социализма. Весь исторически обозримый опыт развития производства показывает, что человечество проходит путь от натурального производства племени, семьи, рабовладельческой латифундии и феодального поместья, – через местный мелкотоварный и мировой капиталистический рынок, – к непосредственному общественному, по сути – социалистическому производству, в котором рынок как элемент системы отношений отсутствует.

ВОПРОС ВОСЬМОЙ

У кого реальная власть?

ОТВЕТ. Власть – это воздействие человека, группы людей, класса на другого человека, группу людей, другой класс. Основа власти и ее цель – экономика, присвоение богатства. Политика и право лишь послушно следуют за экономикой, «оформляя» экономическую власть в политических установлениях и юридических законах. Пока главным средством производства была земля, власть была у феодалов-землевладельцев; когда средства производства приняли форму капитала, а производство – форму фабрики, власть в виде парламентской или президентской республики перешла к буржуазии.

Конституция РСФСР от 10 июля 1918 г. основную задачу переходного периода видела «в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». (Ст. 9). Россия была объявлена «Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». (Ст.1). Заметим, что задача «водворения социализма», как она сформулирована в первой Российской Конституции, не выполнена до сих пор ни в одной стране.

Советская власть и «Республика Советов» («республика» — в переводе с латыни — «общественное дело») не выдуманы какой-либо партией — они были вызваны к жизни революцией 1905 года во многих городах России. По В.И. Ленину, «Советы, это — русская форма пролетарской диктатуры» (т. 37, с. 267). «Коммунизм предполагает Советскую власть, как политический орган, дающий возможность массе угнетенных вершить все дела,— без этого коммунизм невыносим» (В.И. Ленин, т. 42, с. 30—31).

Советская власть как форма диктатуры пролетариата (работников, лишенных средств производства) характеризуется следующими признаками: 1) Выборы — по производственным, а не территориальным округам; 2) Сменяемость депутатов по требованию избирателей; 3) Плата депутатам не выше платы рабочему; 4) Все депутаты выполняют функции контроля; 5) Исполнительная власть сливается с представительной (Ленин В.И., т. 33, с. 109; т. 35, с. 300; т. 38, с. 426). Так и было после Октября 1917 года. Добавим: коммунисты даже в центральных органах Советского государства были в «подавляющем меньшинстве»; так, в Ревтрибунале ВЦИК их было 8%, в Наркомвнуделе — 11% и т. п.

Однако, выполняя объективно необходимую работу по созданию товарного хозяйства, развитию рыночных отношений и капитализма, советское государство непосредственно реализовало интересы не пролетариев, а мелких товаропроизводителей. Поэтому уже XII съезду РКП (б) 19 апреля 1923 года пришлось «отлучить» от власти рабочий класс и передать власть компартии. В резолюции «По отчету Центрального комитета» записано, что «диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. Компартии, ...ибо она одна исторически призвана быть действительным проводником диктатуры рабочего класса». •

С исчезновением крестьянства и возникновением класса наемных рабочих и служащих вырождались и советы как форма диктатуры рабочих и крестьян. В середине 30-х годов власть советская была заменена властью парламентской, то есть — буржуазной, на основе «самой демократической» в мире (действительно, демократической буржуазно, а не по-советски)

«Сталинской» Конституции СССР 1936 года. А по Конституции СССР 1977 года («Брежневской» Конституции «развитого социализма») Советы даже перестали быть Советами депутатов трудящихся и были объявлены Советами народных депутатов, хотя народ состоит не только из трудящихся... Советская власть, оставшись Властью, утратила первоначальное содержание и форму, превратившись в буржуазный парламент. На долю кровавых событий «Октябрь-93» осталось только зафиксировать все эти изменения в новой Конституции Российской Федерации и поменять название. Что и было сделано.

Перерождалась и сама КПСС как «проводник диктатуры рабочего класса», чему виной был целый ряд неизбежных обстоятельств:

Во-первых, «ленинский призыв» в партию (январь – май 1924 гг.) резко снизил качественный состав партийных рядов. При «ленинском призыве» для парторганизаций важнейших промышленных центров ЦК партии установил задание по приему: Москва – 25 тыс. рабочих, Ленинград – 20 тыс., Донбасс и Урал – по 15 тыс. и т. п. Вступившие должны были прослушать 6 лекций и 6 бесед о задачах РКП (б), Всего таким путем вступило 242 тыс. человек, что количественно увеличило ряды Компартии в полтора раза. Снижение качественного уровня выразить невозможно, но оно велико – пошел в партию не самый сознательный и идейный, а самый хитрый и приспособленческий элемент, «плохо орабоченный мужик», вчерашний мелкий товаропроизводитель, попер в партию – «за портфелем».

Во-вторых, низкий уровень грамотности руководящих партийных кадров не позволял глубоко овладевать марксизмом и на этой основе – проявлять самостоятельность в партийном поведении. Так, к началу 40-х годов более 70% секретарей райкомов и горкомов партии имели лишь начальное образование (4 класса), среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик – более 40%. С таким образовательным багажом только и оставалось «действовать по инструкции», стремясь «не гневить начальство».

В-третьих, уничтожались самые грамотные и опытные марксисты – члены Компартии. В период массовых репрессий, который надо бы назвать «периодом террора», по политическим мотивам было уничтожено около 800 тыс. коммунистов. Между XVII и XVIII съездами ВКП (б) – это 1934 и 1939 гг., – несмотря на постоянный прием в партию, численность членов и кандидатов ВКП(б) из-за репрессий сократилась на 330 тыс. человек. Из числа делегатов XVII съезда ВКП (б) половина вступила в партию еще до 1917 г., четыре пятых – до 1920 г., то есть работали при В.И. Ленине. А на XVIII съезде ВКП (б) – после массовых репрессий – «делавших революцию» осталось всего 1,5%, «ленинцев» – только 17%, на смену партийным бойцам приходило «механическое большинство».

В-четвертых, нельзя сбрасывать со счетов гибель коммунистов в годы Великой Отечественной войны – на фронте и в тылу. Понятно, «смерть не выбирает», и все-таки гибнут всегда лучшие, кто берет сам на себя большую долю работы и ответственности, кто буквально «сжигает» себя во имя идеи и Родины.

В-пятых, огромную роль в перерождении руководящих кадров играла мелкобуржуазная идеология, подпитываемая крестьянским составом населения, развитием товарно-денежных отношений, тем самым «обобществлением нужды», в котором сохраняется борьба за «кусочек хлеба» для себя и своей семьи. В.И. Ленин дал определение мелкой буржуазии: **«Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, – вот два признака, составляющие понятие «мелкого буржуа»** (т. 1, с. 413). Товарное хозяйство в России второй половины XX века было и есть «в разгаре», а понятие «мелкое производство» весьма относительно. Удивительно ли, что мелкобуржуазная идеология восторжествовала над пролетарской, и даже социализм воспринимается не по К. Марксу, а как социализм мелких хозяйчиков, обособленных производителей.

Иными словами, в условиях рынка любая юридически регламентированная форма собственности экономически используется в целях частного обогащения вне связи с личными трудовыми затратами за общественный счет. Разграбление помещичьих усадеб в ходе революции, алчное хапужничество государственного добра на «социалистических» предприятиях или слепая вера в возможность обогащения через покупку акций «МММ» – все это проявление мелкобуржуазной психологии, которой так опасался В. И. Ленин; он с горечью предупреждал: «Смертельный враг социалистической революции и советской власти... – стихия мелкого собственника, живущего одной мыслью: урвать что можно, а там – хоть трава не расти»... «Мы не победили мелкобуржуазной стихии» (т. 36, с. 235,236).

С учетом всей обстановки Советской России, рабочий класс в нашей стране так никогда и не стал еще правящим классом, не получил реальной власти, его объявили «гегемоном», но от него откупились дешевым хлебом, крепким портвейном, гарантией занятости, возможностью «тащить»... Но и попытки объявить держателями власти «партократов» или «бюрократов» – бесплодны, ибо не в них персонифицировался государственный капитал; эти «...краты» – на службе у капитала, а богатство принадлежит не служащим, а хозяевам, которые из своей среды «ставили» партократов и бюрократов, если требовалось, делали из них «козлов отпущения» вплоть до «врагов народа».

Советский капитал, как и всякий капитал, персонифицируется в том, кто является реальным хозяином производства, то есть имеет реальную экономическую власть, а именно: 1) сам работает, 2) реально, управляет

производством, 3) получает доход от производства вне связи с затратами своего труда. Все эти признаки присущи **директорскому корпусу**, который обладает реальной экономической властью и распространяет эту свою власть на политику, идеологию и все другое.

Да и странно было бы, если бы в мелкобуржуазной России не сложился общественный строй, в котором экономические отношения капитализма не персонифицировались бы в фигуре директора «социалистического» предприятия, прикрываясь якобы социалистической идеологией и «пустыми» формами политической и экономической надстройки. Сами директора – продукт экономических отношений – менее всех в этом виноваты. Большая вина – на идеологах, не сказавших правду. Впрочем, еще К. Маркс заметил, что «этикетка системы взглядов отличается от этикетки других товаров... тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца» (т. 24, с. 405). Лишь Ю.В. Андропов как-то скептически заметил, что мы плохо знаем общество, в котором живем. Он-то знал... А истинные взгляды руководителей предприятий выявились одним из социологических обследований в 1990 году: почти 70% опрошенных директоров хотели бы связать свою судьбу с капиталистическими производственными отношениями; в том числе 11% из них хотели бы «открыть собственное дело»; да и среди квалифицированных рабочих это было желанием у 10% опрошенных. Имея такие данные, «краты» смело могли идти на «август-91».

А вот другое обследование – по вопросу о совместимости «социализма» и «рынка». На вопрос: двигаясь к рынку, идет ли СССР к более полной реализации возможностей социализма? – положительно ответили 66% делегатов XXVIII съезда КПСС (правлящая каста страны, «краты» всех сфер), 49% коммунистов не-делегатов (рядовые «рабочие лошадки») и только 32% опрошенных беспартийных граждан; рядовые граждане – партийные и беспартийные – не видели от развития рынка выгоды для себя, ибо в их руках не было капитала ни в какой форме, а были и есть у них только рабочие руки и рабочие головы. У директоров же – власть на основе собственности (экономической) на средства производства. Так, на конец 1993 года 42% директоров предприятий имели до 10% акций «своих» предприятий, 13% —от 10 до 20% акций, 8% директоров – от 20 до 30% акций предприятий, которыми управляют уже как юридические собственники-капиталисты. (Вопросы экономики, 1994, № 3, с. 64).

В России, к сожалению, сбылось пророчество Г.В. Плеханова, который в конце прошлого века предвидел: «Социалистическая организация производства предполагает такой характер экономических отношений, который делал бы эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны», ибо «декретами не создать условий, чуждых самому характеру современных экономических отношений». Если

этого нет (а в России в 1917 году не было), после социальной революции «придется мириться с тем, что есть, брать то, что дает... действительность». В таком случае «здание социалистической организации будет строиться руками правительства», а не рабочего класса, не народом, а «сверху». Не партия будет служить классу, а рабочий класс и рядовые члены этой партии будут обслуживать верхние структуры партии, которые Г.В. Плеханов назвал «кастой». «Национальным производством будет заведовать социалистическая «каста» (по-нынешнему, номенклатурные хозяйственники, из среды которых выдвигались партийные и государственные работники), относительно входящих в которую лиц «не может быть никаких гарантий в том, что они не пожелают воспользоваться захваченной ими властью для целей, не имеющих ничего общего с интересами рабочего класса» (Плеханов Г.В., Избранные философские сочинения, т. 1, М., 1956, с. 103—106). Так и получилась: базис повел надстройку за собой.

Таким образом, **реальная власть в СССР в послевоенные годы оказалась в руках «директорократии», проникнутой в силу исторического развития России мелкобуржуазной психологией.** Все события с 1985 г. и даже раньше служили лишь приведению политико-юридической надстройки и идеологии в соответствие с базисом. Но слившиеся в едином действии внешние и внутренние субъективные факторы (прежде всего мелкобуржуазность руководства) привели, к тому, что реальные события пошли значительно дальше объективно необходимых действий.

ВОПРОС ДЕВЯТЫЙ

Куда ведут Российскую Федерацию?

ОТВЕТ. Исторический путь России – СССР – Российской Федераций обусловлен ее экономико-социальным прошлым, но также размерами, географическим положением и богатством страны. Россия не Верхняя Вольта и не Люксембург. Россия – большая и богатая страна. Богатство России можно свести в три группы.

Россия богата природой. Страна имеет 12,8%- мировой территории и 2,8% населения планеты. На территории России сконцентрировано 17% разведанных запасов нефти, 30% газа, 20% железной руды, половина запасов пресной воды, огромные запасы леса, 43% запасов угля и т.д. В 1989 г. на ООСР приходилось 20% мирового промышленного производства. В 1991 г. на Россию приходилось 5% валового национального продукта, произведенного в мире, доля в мировой промышленности 6,5%, в сельском хозяйстве 6%. Все это беспощадно эксплуатируется мировой «элитой». За семь лет, начиная с 1986 г., доля

сырья, энергоносителей в российском экспорте увеличилась с 55 до 75% и с 15 до 10% упала и без того ничтожно малая доля оборудования. Это – типично колониальный внешнеторговый оборот, выкачивающий природные богатства. За прошлый год экспорт сохранился почти на прежнем уровне, а импорт уменьшился в два раза, значит, вывезенное российское богатство в денежной форме оседает за границами России. Официально Россия каждый 1 месяц теряет более миллиарда долларов, фактически – гораздо больше.

Россия богата образовательным потенциалом. В СССР в 1987 г. среди занятого населения с высшим образованием было 13%, со средним образованием (полным и неполным) 76%. На этой основе расцветала наука. Теперь только расходы на финансирование высшей школы уменьшились за 1993 г. примерно в два раза. Расходы на науку в 1990 г. составляли 5,8% валового национального дохода (еще Советского Союза). А в 1993 г. эта величина сократилась до 1,8% (уже российской величины). Вдвое сократилась число научных работников. Добавим сюда же, что бюджет здравоохранения уменьшился с 5-6% до 2-3% уменьшившегося валового дохода страны. Необразованное и больное население – такова перспектива России.

Россия пока еще богата умелой и дешевой рабочей силой. Производительность общественного труда была в СССР в 2—3 раза ниже, чем в индустриально развитых странах. Сейчас производительность Труда в Российской Федерации в 5—8 раз ниже. А среднечасовая плата за труд такова: Германия – 22, США – 16, Мексика – 2, Таиланд – 0,7, Китай – 0,3 доллара; в России среднечасовая оплата труда составляет около 50 центов, т. е. 0,5 доллара в час. Российских работников выгодно эксплуатировать. Для сравнения. При всей приблизительности расчетов, в СССР при государственном капитализме трудящиеся работали на себя 2,5 часа, на бюджет – 5,5 часа, а из бюджета многое поступало обратно работнику через общественные фонды потребления. Сегодня трудящийся работает на себя 40 мин. и 7 час. 20 мин. – на капиталиста; степень эксплуатации более 1000% («Что делать?» – 1994, № 5, июль—август). В США с 1950 по 1985 гг. степень эксплуатации увеличилась со 150 до 300%.

Богатства России издавна привлекали внимание иноземных захватчиков. Накануне Октябрьской революции в России производство железа было на 55% в руках французов, на 22% – в руках немцев, на 10% – в руках франко-германских объединений; добыча угля принадлежала иностранцам на 97%; английский и французский капитал владел добычей российской нефти на 44%. Советская власть прекратила это разграбление. Государственно-капиталистическое хозяйство СССР создавалось как единый народнохозяйственный комплекс и выступало на мировых рынках как огромная сверхмонополия – «Суперкорпорация – СССР» – аналог и

конкурент аналогичных корпораций Запада. Она была непобедима, производя пятую часть мировой промышленной продукции

Поэтому борьба мирового, империализма шла против «Супермонополии – СССР», за сырьевые и трудовые ресурсы России, хотя эта борьба и прикрывалась борьбой против «коммунистического идола», против «империи зла», против «мирового социализма» и т.п. На деле, за подобной идеолого-политической маскировкой скрывались экономические интересы транснациональных корпораций, прежде всего – США. Коммунистическая идеология не представляла и не представляет в наше время опасности для монополий, стран «семерки»: ведь компартии в «цитаделях капитализма» – США, Великобритании, ФРГ, Японии, Швейцарии и др. – невелики и маловлиятельны, хотя их деятельность там и разрешена. Но вот конкурировать с такими гигантами капиталистического производства, как «Экссон», «Дженерал моторз», «Сименс» или «Ниссан мотор», было посильно только государствам, организованным как целое. Например, крупнейшую монополию мира – «Дженерал моторз» превосходили по активам и резервам лишь Советский Союз и Япония, взятые в целом.

Очень показательна в этой связи директива Совета национальной безопасности США № 2011 - от 18 августа 1948 г., которая поставила следующие задачи: «Сделать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях». Обеспечить, «чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим: а) не имел большой военной мощи; б) в политическом отношении сильно зависел от внешнего мира; в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами; г) не установил ничего похожего на «железный занавес». В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам (к США - А.С), мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унижительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов» (Молодая гвардия, 1990, № 2, с. 184). Здесь совершенно ясно видно, что «некоммунистический» и («дружественный к США» Советский Союз (или то,- что от Него останется) должен быть **слабым** во всех отношениях, даже «выражая враждебность к коммунистам», ибо всесторонняя слабость России соответствует интересам мировых транснациональных корпораций. Эти корпорации производят 1/3 мировой промышленной продукции, контролируют 1/2 мировой торговли, осуществляют 3/4 мирового научно-технического прогресса. Для полного мирового господства им не нужен конкурент Россия, им нужны ресурсы России.

Методом действий явилось всестороннее расчленение России. Прежде всего это административное расчленение СССР на «суверенные» республики, края, области и т.п. Результат был двояким: во-первых,

умерщвление единого народнохозяйственного организма, который был создан под режим работы в централизованном плановом управлении (как, например, та же компания «Дженерал моторз»); во-вторых, многократное дублирование всех управляющих систем, а значит – и расходов на их содержание (чиновников - сейчас в России больше, чем было раньше во всем СССР). По расчетам Н. Назарбаева, спад производства на 80% определен этим факторам. Выгода от расчленения России – только местным административным «князькам». Выход – восстановление единой и, как на горьком опыте - убедились, действительно неделимой России – СССР, как бы ни называть новое (или – старое!) государство.

Другое направление расчленения России – это дробление единого государств единого капитала между мелкими частными собственниками, т.е. юридическое оформление того процесса, который давно шел в якобы «плановой» экономике СССР. Приватизация – форма осуществления перехода государственного капитала России в частный капитал. Г.Х. Попов констатирует, что к России применена приватизационная модель Международного валютного фонда, и пишет: «Приватизация означает переход собственности или к номенклатуре с деньгами, или к искормленным ею якобы, независимым отечественным предпринимателям, или к иностранному капиталу. МВФ как раз рассчитывал на то, что открывается дорога иностранному капиталу» (Московские новости, 21.02.93). По расчетам Аналитического центра Российской академии наук, 55% капитала и 80% голосующих акций переходит в руки криминального и иностранного капитала (Советская Россия, 17.05.94), что, собственно, одно и то же. Народ ограблен «ваучеризацией». По ваучерам, граждане России получили всего 1,4 триллиона рублей, а только зарубежная собственность России оценивается в 200 триллионов рублей (Советская Россия, 30.07.94). Остальное добро России уйдет за рубеж.

Третье направление расчленения России – усиление классового и имущественного расслоения ее населения. В Российской Федерации сегодня 9—10% богатых с доходом в месяц на душу населения свыше 500 тыс. руб., из них 1% имеет доход около 50 млн. руб. в месяц на члена семьи. Остальные 90% населения делятся примерно на три равные части: средний слой с доходом 60 – 500 тыс. руб., бедные с доходом 30—60 тыс. руб. в месяц (у них все деньги уходят на еду) и нищие – доход ниже 30 тыс. руб. в месяц (они не воспроизводят массу собственного тела и постепенно умирают от истощения). Нищих в нашей стране 52 млн. . (АиФ, 24.06.94). При этом средняя разница в доходах между богатыми и самыми бедными составляет в Швеции 4 раза, в Испании 4 раза, в США 6 раз, в Латинской.- Америке 12 раз. В России в 1992 г. эта разница определялась в 12, а в 1993 г. – уже в 26 раз и приближается к 30. В основе абсолютного обнищания трудящихся лежат: 1) падение производства за

годы реформ в 2 раза, 2) ограбление ваучеризацией и вывоз богатств за рубеж, 3) Усиление деления на богатых и бедных, 4) отказ от регулирования розничных цен.

Акционеризация усугубляет положение, ибо акция – не средство производства стоимости, а средство концентрации капитала и передела произведенной прибавочной стоимости. По сообщению А. Чубайса, в России на приблизительно 150 млн. населения – 40 млн. акционеров. Однако скрывается, что основная масса акций – в руках, не акционера-работника, а акционера-капиталиста. Но хорошо известны данные по США, по которым можно судить о перспективе акционирования и акционеров в России. В США на 250 млн. населения 42. млн. акционеров т.е. акционированность населения в США ниже, чем в России. Доля доходов от капитала, куда входит и дивиденд на акции, ничтожна в общей сумме семейных доходов рабочих и служащих, составляя всего 2—4%. Лишь у нескольких тысяч семей-мультимиллионеров доходы от капитала достигают более 50% всех доходов. Акции в любой стране расходятся по правилу – «Деньги к деньгам»: У бедных акций почти нет; в США лишь 6% семей с доходами до 5 тыс. долл. в год, владеют акциями; зато в семьях с доходами свыше 50 тыс. долл. в год в каждой семье имеется даже более одного акционера. Все это свидетельствует, что акции, концентрируя капитал, обогащают богатых и обедняют бедных.

Через «реформы» Россию «спячивают» не в свое, а в чужое историческое прошлое – от социализированного государственного капитализма, в котором находился СССР и в котором находятся сегодня высокоразвитые капстраны, – к капитализму частному, в котором Россия практически еще не побывала, а страны высокоразвитого капитализма прошли этот этап уже сто лет назад. Нельзя утешаться, что «все вернется на круги своя». Россию сбросили с «корабля истории» в порту домонополистического капитализма столетней давности. Произошло то, чего В.И. Ленин опасался: «Государственный капитализм, объединит мелкую буржуазию (ей **только** объединения не хватает) и скинет, пролетарскую диктатуру» (т. 44, с. 463). («Объединил» и «скинул» в пользу диктатуры мелкой буржуазии, которую возглавил И.В. Сталин – «современный Пугачев», по характеристике В.М. Молотова. Ведь еще Е. Дюринг считал насилие решающим фактором истории и предлагал с его помощью «обустроить» социализм. Другие, вроде Н.И. Бухарина, лишь последователи...

Так или иначе, но нынешней «спяченной» России вернуться на место в мире, равноценное месту СССР, а заодно – и вывернуть на правильную колею развития, невозможно по нескольким причинам.

Во-первых, Россию ослабили раздроблением до того, что ей просто уже нет сил подняться; на основе стихийного рынка современные производительные силы перестают действовать, придется возвращаться от

теплохода к лодочке, от трактора - к лошадке... В то же время - 25 промышленно развитых стран, занимая 16% мировой территории и имея 23% населения мира, производят 70% мирового валового продукта. При этом монополизированный сектор занимает 2/3 промышленного производства. А вот нынешний валовой внутренний продукт всей России в 3 раза меньше продукции только одной монополии «Дженерал моторз». Экономическая борьба при таком соотношении сил невозможна. Во-вторых, мир давно поделен и территориально, и экономически, и функционально-технологически. Каждой стране в мировом производстве и потреблении отведено свое место, своя роль. Передел всего этого есть мировая война, которую в условиях современного мира вести для всех – опасно, для России – невозможно. Но война есть продолжение политики другими средствами. Значит, и военно-политическая борьба для России невозможна. Что касается идеологической борьбы на международной арене, ее возможности исчезли, когда был повален этот самый «идол коммунизма».

Поэтому России отводится роль ресурсного придатка развитых капиталистических держав. А. Зиновьев окрестил порядок, в который затаскивают Россию, «колониальной демократией». В России нет революционной партии, в зачаточном состоянии рабочее и национально-освободительное движение. Отсюда следует, что в надстройке и идеологии разрешено! – и будет разрешено – говорить и делать все, что угодно, кроме одного – призывать к свержению существующего строя осуществлять это свержение. Возможный вариант на этой почве – появление современного Н.И. Махно. Назвать такое социально-политическое состояние можно и так: «Разрешенная демократии».

В экономическом базисе наиболее вероятна двухуровневая экономика. Верхний уровень (для колонизаторов) будет приспособлен к обслуживанию развитых капиталистических стран – «семерки», «двадцатки», «золотого миллиарда» и т. п. Здесь Россия будет выполнять функции сырьевой базы, свалки технологических отходов, первичной переработки сырья, «площадки» для сброса устаревших технологий, источника «мозгов» и квалифицированной услуги для элитарных стран и правящих в них классов. Низший уровень экономики – для самообслуживания вырождающегося населения Российской Федерации, излишнего для выполнения колониальных функций. Уже в 1993 г. в России ребятишек родилось на 1 млн. меньше, а население России сократилось на 0,3 млн. человек. «Процесс пошел»...

Таким образом, **Российскую Федерацию ведут в колониальный режим.** Изменение направления движения страны возможно в результате появления непредсказуемых субъективных факторов. Как подвариант движения, возможен территориальный раздел России между США, ФРГ, Арабским миром и Китаем.

ВОПРОС ДЕСЯТЫЙ

Свершится ли когда-нибудь мировая социалистическая революция?

ОТВЕТ. Как определяет «Советский энциклопедический словарь» (М, 1984, с. 1243 и 1106), социалистическая революция – это «пролетарская революция, высший тип социальной революции, осуществляющий переход от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической формации. Включает взятие власти рабочим классом...». Экономическая основа всякой социальной революции – конфликт между ростом производительных сил общества и устаревшей системой производственных отношений, который проявляется в обострении социальных антагонизмов между господствующими и угнетенными классами. Исходя из определения, на поставленный вопрос даются два противоположных ответа, характеризующих два противоположных варианта перспективы развития человечества.

Мелкобуржуазные и буржуазные идеологи утверждают, что человечество, придя к товарной форме производства и достигнув ее высшего уровня – капиталистического способа производства, на этом остановилось и будет вечно жить при капитализме; социальные антагонизмы преодолены, всякое развитие общества прекращается, ибо достигнута совершенная гармония общественных отношений; трудящимся не надо брать власть, так как они довольны властью буржуазии.

Пролетарские идеологи, наоборот, утверждают, что движение общества от формации к формации не может остановиться; капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание на основе достижений самой же капиталистической эры. Капиталистическая частная собственность фактически уже основывается на общественном процессе производства, поэтому она превращается в общественную собственность. Как писал К.Маркс в первом томе «Капитала», «централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» (т. 23, с. 773). Заметим для слишком резвых критиков К. Маркса: никаких сроков К. Маркс при этом не указывал.

Очевидно, что является совершенно неправильным утверждение об остановке развития человечества на этапе капитализма – мысль человеческую остановить нельзя, да и прекращение развития – это смерть любого организма, в т. ч. смерть любого социального организма;

капитализм не вечен и должен будет уступить место способу производства, идущему на смену капитализму,— посткапиталистическому обществу, в чем ученые всего мира (не идеологи!) не сомневаются. Проблема не в капитализме (капитализм «уйдет»), а в посткапитализме: какой он будет? По этому вопросу даже среди марксистов коммунистическая безальтернативность начала XX века в конце века все более уступает место многовариантности возможного развития человечества в XXI веке. На основе развития производительных сил возникают такие направления течения мировых процессов, которые ведут не к превращению капитализма в социализм, а к созданию новых типов производственных отношений, доныне не изведанных. На грани веков, к которой Россия подходит вместе со всем человечеством, ясно видны по меньшей мере четыре варианта развития мировой общественной рыночной системы.

Первый вариант. Ядерная катастрофа в результате атомной войны или аварий АЭС, хранилища ядерных боеголовок и т.п. Техника не бывает безаварийной – это знает любой инженер, как и то, что процесс не может идти без потерь. Малая вероятность катастрофы не исключает саму катастрофу, а, как говорится, достаточно и одной, тем более что статистическое понятие вероятности – всего лишь характеристика возможности появления случайных событий при повторении их условий неограниченное число раз. Катастрофа на Чернобыльской АЭС показала возможность ядерной катастрофы. При этом гибнет не «весь род людской», но определенное число особей, а с ними гибнет сложившийся образ жизни. Человечеству придется начинать жить с начала, «с пещеры и костра». Неизвестно, повторит ли человечество свое развитие через рынок к капитализму и социализму, или пойдет принципиально иной дорогой. Но предпосылки ядерной катастрофы создаются именно борьбой за рынки, т.е. стремлением к мировому господству отдельных мировых монополистических групп.

Второй вариант. Экологическая катастрофа во всех ее послылках и проявлениях – от «озоновой дыры» до увеличения генетического груза, т.е. рождения неполноценных детей; за полвека величина этого страшного «груза» возросла с 4% до 10% вследствие загрязнения биосферы отходами производства. Развитие товарного производства ведет к неконтролируемому разрушению биологических основ существования человека как вида, к вымиранию человечества. Рыночные отношения играют в этом решающую отрицательную роль, ибо в конкуренции на рынке производитель стремится использовать «бесплатное» вещество природы, делая в результате окружающую человека среду непригодной для его обитания. Конференция ООН по проблемам окружающей среды и будущего развития цивилизации в июне 1992 года пришла к выводу, что модель развития самых богатых стран мира на основе безудержного роста

потребления – это гибельный для всего человечества путь, ибо использованием при этом традиционной рыночной системы наносится невыносимый ущерб природе. Например, США имеют 5% населения мира, но потребляют 40% мировых природных ресурсов и выбрасывают 70% отходов мирового производства. Достижение уровня США по потреблению на душу населения другими странами мира невозможно, т.к. означало бы увеличение нынешнего потребления ресурсов в 8 раз, а выбросов – в 14 раз. Рыночная, капиталистическая модель производства, сориентированная на прибыль любой ценой, – тупиковый путь для всех, кто на него вступает. Россия— не исключение.

Третий вариант. Создание мирового элитарного государства для «золотого миллиарда» населения планеты Земля. «Золотой миллиард» обслуживается еще 2 млрд. «слуг», остальное население земного шара объявляется излишним и подлежит постепенной ликвидации методом ухудшения условий его жизни, что неизбежно приводит к повышению смертности и сокращению рождаемости, в конечном счете – к вымиранию. Теория и практика, всемирного, элитарного государства для «золотого миллиарда» получила название «мондиализм» или «мировое правительство» для установления «нового мирового порядка». Современный научно-технический уровень делает для самых развитых стран осуществимым в своих интересах централизованный и всесторонний контроль за жизненно важными функциями всех народов, в том числе – россиян. В роли «мирового правительства» выступают международные организации типа ООН, МВФ, ГАТТ и т.п. Особо важную роль играет «Трехсторонняя комиссия» – неправительственная организация в США, объединяющая 300 представителей «элиты» разных стран и сфер деятельности, во главе которой стоит Д. Рокфеллер, что говорит о многом.

Вычленение «золотого миллиарда» идет быстро. По странам в первой «шестерке»— Канада, Япония, Норвегия, Швейцария, Швеция, США... На последних местах из предназначенных к ликвидации – Сьерра-Леоне и Гвинея. СССР в 1990 году был на 33 месте, за пределами «золотого миллиарда». В 1992 году средний годовой доход россиянина составлял 2680 долл., мексиканца – 2870 долл., жителя США.—■ 22560 долл., японца— 26920 долл. – русский беднее японца в 10 раз. Всего в развитых странах проживает 23% населения планеты, но в них находится 85% мирового богатства. Как и водится, богатые – богатеют, бедные – беднеют. По подсчетам специалистов ООН, разрыв в богатстве между развитыми и развивающимися странами в послевоенные годы увеличился в 2 раза. Нищают абсолютно целые континенты. Так,, среднестатистический африканец нынче на 20% беднее, чем 10 лет назад. Иначе и быть не может, если одного «штатника» обрабатывают 8 наемных рабов в «развивающихся» странах.

Но в каждой стране есть свои богатые и бедные – деление идет все-таки не столько по географическому, сколько по классовому признаку. В мире 1 млрд. самых богатых людей живет в 150 раз лучше 1 млрд. самых бедных. В России предполагается, к «золотому миллиарду» будут причислены 30 млн. человек, еще 30 млн. – в «слуги», остальные с точки зрения мондиализма – лишние на российской земле. Как видим, мондиализм – лишь один из возможных путей развития современного капитализма. Но это такой же тупиковый путь, как и предыдущие.

Четвертый вариант. Свершение мировой социалистической революции. Для этого требуются две предпосылки. Первая – уничтожение мелкого натурального и товарного хозяйства, обобществление самим капитализмом труда и производства в мировом масштабе. Исторический процесс идет в этом направлении, но до сих пор половина населения мира – это мелкие товаропроизводители, не говоря уже о мелких капиталистах. Вторая предпосылка – ликвидация эксплуатации двумя десятками народов развитых стран мира населения полутора сотен остальных стран, т. е. ликвидация ограбления «третьего мира». Пока будет сохраняться масса мелких собственников в рынке, расслаивающихся на капиталистов и рабочих, а трудящиеся одних стран через «свои» монополии и «свои» государства будут эксплуатировать трудящихся других стран – мировая пролетарская революция неосуществима, ибо эпоха еще не созрела для проведения в жизнь изначальной идеи социализма – совместный труд на общую пользу. Социалистической революции необходимо должны предшествовать революции социальные других типов.

Таким образом, **человечество продвигается вперед к революции социалистической. Но свершение мировой социалистической революции в той или иной форме – это лишь один из возможных путей развития общности людей.** Вместе с тем это единственный путь человечества, на котором общество приближается не к гибели под бременем роскоши и невежества, а к ассоциации, в которой совместный труд на общую пользу создаст «человека общественного», а свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех.

Заключение

В царской России преобладали докапиталистические производственные отношения. Идеология в основной массе была царистско--православной, надстройка – монархически-помещичьей, базис – натурально-мелкотоварный. В 1913 году производительность труда от уровня развитых капиталистических стран обставляла в промышленности России 25%, тогда как в США – 145%, в «развивающихся странах» – 22%,

в Западной Европе – 95%, в Китае – 16%; в сельском хозяйстве соответственно 26%, 175%, 14%, 105% и 10%.'

Вот такая Россия в XX веке встала на путь капиталистического развития, разоряя мелких производителей и вовлекая их в орбиту капиталистического наемного рабства. Капитализм – это тот «мост», **по которому**, и только – по которому, можно пройти в социализм. Марксистское понимание критериальных признаков социалистического общества таково: нет классов, все находятся в одинаковом и общем отношении к средствам производства; распределение труда в обществе осуществляется планомерно, согласно выявленным у каждого человека способностям, а распределение предметов потребления — по труду каждого; производительность труда при социализме выше, чем при капитализме, а потому и уровень жизни при социализме выше, чем при капитализме. Это невозможно было обеспечить в условиях, унаследованных Советской властью от царской России. Поэтому Октябрьская революция 1917 года сложилась не как социалистическая, а как буржуазно-демократическая революция.

От Октябрьской буржуазно-демократической революции до грядущей революции социалистической должен быть пройден неизвестной продолжительности путь капиталистических преобразований российской экономики, совершаемых Советской властью как формой диктатуры пролетариата с тем, чтобы создать материально-техническую базу социализма и постепенно встраивать в капиталистическую экономику все больше элементов социализма. Весь XX век – это век развития капитализма в России. Социализм объявили построенным еще в середине 30-х годов, но социалистические преобразования в экономике не выполнены до сих пор.

В 50-е годы СССР был страной развитого государственного капитализма с сильными встроеными элементами социализма и остатками докапиталистических форм хозяйства. В 1950-м году производительность труда от уровня развитых капиталистических стран составляла в промышленности СССР 36%, тогда как в США – 180%, в «развивающихся» странах – 26%, в Западной Европе – 75%, в Китае – 11%; в сельском хозяйстве соответственно 25%, 325%, 9%, 90%, 7%. Догнать капиталистические страны не удалось, возможности движения по пути строительства госкапитализма в СССР были исчерпаны. Дальше надо было решать: или переходить к строительству социализма на деле, или дать волю стихии рынка, ведущей в домонополистический капитализм. Усилиями хозяйственников-технократов вопрос был однозначно решен в пользу своих интересов на основе развития стихийного рынка.

Три обстоятельства послужили тому причиной. Во-первых, мелкотоварный базис все более превращался в крупнотоварный, капиталистический, что не могло не оказывать решающего влияния на все

стороны жизни советского общества. Во-вторых, в мелкобуржуазной России не «вышло» с диктатурой пролетариата и Советская власть уже в середине тридцатых годов стала парламентской властью советской буржуазии. В-третьих, в идеологии и психологии господствовали не пролетарско-социалистические, а мелкобуржуазно-частнособственнические взгляды и привычки: апологетика мелкого производства и нерегулируемого рынка, взгляд на все государственное и централизованное как на чужое и враждебное, подлежащее разрушению и «растаскиванию». Из всего этого выросла власть высших управляющих – директорократия, слугами "которой (имея, конечно, и свои кастовые интересы) были и есть и «партократы», и «бюрократы».

Поэтому «перестройка», «реформы», «вход в рынок» – это не начало капитализации России, а ее завершение. Общественный строй России уже давно капиталистический. «Август-91» и «Октябрь-93» – не государственные перевороты с целью смены общественного строя, а лишь запоздалое отбрасывание советско-социалистической фразеологии. И чем в большей мере мы это признаем, тем яснее для всех станет насущная необходимость научной разработки общественных проблем с позиции неискаженного марксизма. На первом месте здесь – восстановление первоисточников. Необходимо:

1) Отобрать и издать только прижизненные издания К. Маркса и Ф. Энгельса;

2) Правильно перевести эти произведения с языка оригинала;

3) Взглянуть на работы классиков марксизма исторически, памятуя, что наука не остановилась на работах Маркса, Энгельса и Ленина, но и из науки их – не выбросишь.

Но это уже предмет другого разговора.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список дополнительной литературы

1. Клифф Тони. Государственный капитализм в России. Л., 1991.
2. Троцкий Л. Преданная революция. М., НИИ культуры, 1991.
3. Лисичкин Г. Карл Маркс – злейший враг российских большевиков. Минск—Москва, Полифакт-Конкорд ЛТД, 1993.
4. Петухов В.А., Глухов В.И. Экономика абсурдов или абсурд экономики? Свердловск, «Информ», 1990¹.
5. Лепилов В.П. Слово беспартийного в защиту социализма. Астрахань. Фонд защиты памяти В.И. Ленина, 1994.

¹ Брошюра «Экономика абсурдов или абсурд экономики?» является составной частью книги «Общая теория трудовой стоимости» (см. http://rpr.ur.ru/article/OTTS_Pg1.zip)

6. Апоковский Б.А., Ермилов Б.Л. Реставрация капитализма и необходимость коммунистической революции. М., 1992.
7. Сироткин С.П. - др. Директорский корпус и предпринимательство, Кострома, «Знание», 1994.
8. Долгов В.Г., Ельмеев В.Я., Попов М.В. Выбор нового курса. М, «Мысль», 1991.
9. Мареев С.Н. Введение в пострыночную экономику. М., Экономическая академия. Мин. экономики РФ, 1993.
10. Лангштейн. М.С. Социалистический капитализм. Киев, Наукова думка, 1993.
11. Майер Томас. Демократический социализм – социальная демократия. М., «Республика», 1993.
12. Ламперт Хайнц. Социальная рыночная экономика. М.,«Дело», 1993.
13. Экономическая теория Маркса и современный мир //Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1994, № 2, С. 3—31.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Сергей Есенин. Из поэмы «Страна негодяев»

...Никому не станет в новинки,
Что в кремлевские буфера
Уцепились когтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера...
Места нет здесь мечтам и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры, курьеры,
Маклера, маклера, маклера.
От еврея и до китайца
Проходимец и джентльмен,
Все в единой графе считаются
Одинаково – business men.
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она – мировая биржа!
Вот они – подлецы всех стран!

Советская Россия. 10.08.93.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Общественная производительность труда

Сравнение уровней. В % к развитым капстранам

Страны	Годы					
	1913	1920	1929	1938	1950	1987
Весь мир	32	30	29	26	25	18
Развитые капиталистические страны	100	100	100	100	100	100
США	175	185	180	175	240	145
ФРГ	110	65	80	100	75	80
Франция	90	75	95	80	80	95
Великобритания	130	140	105	105	90	70
Италия	55	60	60	60	45	60
Япония	35	45	50	33	85	85
«Развивающиеся» страны	11	11	8	7	7	5
Россия—СССР	23	9	19	29	40	42
Китай	7	7	6	5	4	4

Источник: «МЭиМО», 1987, № 12, с. 144.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Динамика спада производства продукции по отраслям промышленности Российской Федерации

Отрасли	Годы			I полугодие 1994 г. в % к I полугодию	
	1992 в % к 1991	1993 в % к 1992	1993 в % к 1991	1993	1991
Продукция промышленности – всего	82,0	83,8	68,7	74	53
Электроэнергетика	95,3	94,7	90,2	93	86
Топливная промышленность	93,0	85,0	79,1	86	67
Машиностроение и металлообработка	85,1	84,4	71,3	57	43
Легкая промышленность	70,0	76,6	53,6	58	36

Источник: Советская Россия 9.07.94.

1994 г. Областная типография им. М. Горького
Управления по делам печати и массовой информации
администрации Костромской области, г. Кострома, ул. П. Щербины, 2.
Заказ 3226, тир. 500.